

Раздел I. ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81.42

Митрополит Калужский и Боровский
Климент (Г. М. Капалин)
кандидат богословия,
доктор исторических наук

Metropolitan of Kaluga and Borovsky
Clement (G. M. Kapalin)
Candidate of Theology,
Doctor of Historical Sciences

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В НАСЛЕДИИ
СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА

INTERTEXTUALITY IN THE HERITAGE
OF ST. THEOPHAN

Аннотация. В статье рассматривается интертекстуальность в произведениях святителя Феофана, Затворника Вышенского. Приводятся этапы знакомства святого со святоотеческой письменностью, делается анализ формирования его богословских и аскетических взглядов, влияние на них святых отцов Церкви, приемы его отсылок и пересказов Священного Писания. Разбираются методы интерпретации текстов святителем, особенно выделяется, что в его произведениях интерес представляют две концепции интертекстуальности: художественно-эстетическая и научно-познавательная. Дается характеристика интертекстуальных приемов в его проповедях, полемических произведениях и письмах.

Abstract. The article examines intertextuality in the works of St. Theophan, the Recluse of Vyshensky. The stages of the saint's

acquaintance with patristic writing are given, an analysis is made of the formation of his theological and ascetic views, the influence of the holy fathers of the Church on them, the techniques of his references and retellings of the Holy Scriptures is made. The methods of interpretation of the texts by the saint are analyzed, especially it stands out that two concepts of intertextuality are of interest in his works: artistic-aesthetic and scientific-cognitive. The characteristic of intertextual techniques in his sermons, polemical works and letters is given.

Ключевые слова: святитель Феофан, интертекстуальность, Священное Писание, писания святых отцов, сочинения, письма.

Key words: Saint Theophan, intertextuality, Holy Scripture, scriptures of the holy fathers, writings, letters.

Термин «интертекстуальность» был введен сравнительно недавно: в 1967 г. француженкой болгарского происхождения Юлией Стояновой Кристевой, развившей идеи русского философа, литературоведа и теоретика культуры Михаила Михайловича Бахтина. Он первым исследовал явление прямой или скрытой переключки авторских слов с другими текстами, существовавшими ранее или бытующими параллельно с их созданием.

С этого началось установление принципов и механизмов более полного понимания смысла текста — «разгерметизации» его путем изучения его связей с другими текстами и социокультурным контекстом его написания. Этим занимаются искусствоведы, лингвистилистики, семиотики и другие специалисты. Представляя последнюю область науки, Ю. Кристева и ее последователи рассматривают вообще каждый текст как интертекст. В этом состоит широкий подход к понятию интертекстуальности, в свете которого все наследие святителя Феофана можно рассматривать как выражение православного мировоззрения и святоотеческого учения по различным вопросам духовной жизни, а также актуальным для его времени

проблемам в церковной, общественной, политической и других сферах.

Однако, признавая широкий подход недостаточно точным и продуктивным для научного анализа, Валерия Евгеньевна Чернявская и ряд других отечественных исследователей понимают под интертекстуальностью диалогическую соотношенность не всех вообще, а лишь определенных текстов или их типов [12]. В этом узком смысле интертекстуальность трудов святителя Феофана проявляется:

- как их взаимосвязь со святоотеческими писаниями и словами более близких ему по времени аскетов на уровне содержания и смыслов;
- как диалог его сочинений, проповедей и писем между собой на уровне замысла и проблематики;
- как соотношение составных частей каждого отдельного его сочинения на уровне внутренней логики;
- как типологическая открытость его трудов сочинениям других духовных писателей;
- как взаимосвязь его наследия с такими направлениями богословия, как догматика, аскетика, патристика и др.;
- как социальные и культурные связи, которые прослеживаются в его письмах, проповедях, сочинениях и определяют место его творчества в отечественной и мировой культуре.

Из этого следует, что, несмотря на то, что интертекстуальность является атрибутом современной культуры, а святитель Феофан жил в другую эпоху, мы можем воспользоваться этим методом анализа для более подробного изучения его наследия.

Причем эта задача стоит не только перед учеными богословами, филологами, текстологами и другими представителями феофановедения и уже не первый год решается ими, но и перед каждым человеком, который обращается к сочинениям и письмам святителя. Ведь речь об интертекстуальности идет только тогда, когда именно читатель замечает в тексте многообразии отраженных в нем идей, смыслов, конкретных данных

и т. п., отсылающих к другим словам, в том числе и того же автора.

Следует подчеркнуть, что отношения исходного текста и интертекста нельзя свести к примитивному заимствованию и даже к влиянию. Для авторских слов отправной текст выступает не инородным компонентом, а внутренней составляющей, формирующей содержание путем интерпретации, в которой отражается духовный и культурный опыт автора. Вот почему для нас особенно ценны наставления и рассуждения святителя Феофана. Ведь он — один из близких к нам по времени духовных писателей. В отличие от древних аскетов, он апеллирует к преимущественно известным нам понятиям и категориям общественной и частной жизни, культурным явлениям и научным фактам.

Понимая, например, необходимость разговаривать с миром на его языке, святитель Феофан интересовался развитием светских наук, о чем свидетельствуют книги из его библиотеки, среди авторов которых историк С. М. Соловьев, философ И. Г. Фихте, эволюционист Ч. Р. Дарвин. Неудивительно, что в разъяснении законов незримого духовного мира он иногда прибегал к аналогиям из естественнонаучных дисциплин. Так, святитель пишет: «Как капля воды составляется из частей кислорода и водорода переходом сквозь них искры электрической, так и вера в первый раз рождается таинственным некоторым прикосновением Господа к сердцу» [4, с. 496].

Для того, чтобы в полной мере понимать наследие святителя Феофана, надо знать православную культуру, основанную на Священном Писании и укорененную в восточно-христианском вероучении. Епископ аскет считал необходимым настолько глубокое усвоение умом истин веры, чтобы они «составляли его существо» [5, с. 232]. В письмах он неоднократно советует с этой целью ежедневно читать духовные книги, особенно Евангелие [8]. Это способствует воцарению Господа в уме человека, «когда ум чрез покорность вере, усвоив себе все, сообщенное нам в Святом Откровении, ...о всем сущем и бывающем судит по Богу» [3, с. 190].

Очевидно, описанное святителем состояние было присуще ему самому. Будучи ученым богословом, преподавателем духовных школ, архипастырем и аскетом, он не только хорошо знал Священное Писание и вероучительные книги, но и «всегда проникался их духом, претворяя в жизнь почерпнутые истины. Это давало ему право и возможность естественно, свободно цитировать Священное Писание» [1]. Неслучайно оно является основной канвой его проповедей, писем и литературных трудов. Еще в конце XIX в. отмечалось, что «Слово Божие настолько срослось со стилем и образом мысли Феофана Затворника, и этот синтез настолько гармоничен и целостен, что для читающего порой представляется невозможным отделить собственные мысли и слова святителя от слов Библии» [1].

Творения Вышенского Затворника пронизаны не только прямым и косвенным цитированием, отсылками и пересказом строк Священного Писания, но и мыслями святых отцов Церкви, чье дело продолжал святитель Феофан, наставляя свою паству на пути спасения, и аскетическими писаниями. Его знакомство с наставлениями подвижников древности было далеко не формальным. Он много сделал, чтобы прочесть их в оригинале, усвоить их на практике и уже после этого передать своему читателю путем интертекстуализации.

Еще во время обучения в Киевской духовной академии святитель обращался к творениям святых отцов, цитируя их в студенческих проповедях. После принятия монашества для разрешения возникавших у него вопросов в духовной жизни наряду с советом опытных наставников и подвижников Киево-Печерской Лавры он прибегал к чтению святоотеческих писаний. По словам И. А. Крутикова, племянника святителя, «он изучал их и практически, и научно, причем до того проникся духом их, что речь его, о чем бы ни была, носила явные следы аскетических творений» [2, с. 269]. Результатом глубокого осмысления и усвоения на личном опыте святоотеческой мысли стало сочинение святителя Феофана «Что потребно покающемуся и вступившему на добрый путь спасения» [11], со-

ставленного перед его отправкой на Ближний Восток в составе Первой русской духовной миссии.

Следующим, качественно иным этапом знакомства со святоотеческой мудростью и приложения ее применительно к собственной жизни для святителя стала командировка на Святую Землю. Здесь, вдали от духовных единомышленников и наставников, особенно проявилась его жажда к постижению наставлений древних подвижников. Находясь вблизи первых центров монашества, он совершал паломничества по обителям Палестины, Фиваиды и Синая, работал в их библиотеках, собирал и копировал уникальные рукописи, занимался расшифровкой памятников аскетической письменности. Для более полного понимания этих текстов он изучал древние и новые языки, общался с насельниками посещаемых обителей — духовно опытными монахами, сохранявшими многовековые традиции подвижничества.

По возвращении в Россию всю оставшуюся жизнь святитель Феофан занимался переводом и переложением святоотеческих писаний. В период затвора в Вышенской пустыни поиск рукописей древних подвижников проводился главным образом на Афоне иноками Русского Пантелеимонова монастыря. Так, в 1882 году в одном из затворнических писем он сообщал: «В начале нынешнего года пришло мне в голову спросить их, нет ли там, на Афоне Аввы Исаии в подлиннике, — и они охотно прислали мне его, для перевода» [10, 179]. Эта деятельность святителя Феофана была направлена на адаптацию для современников святоотеческой письменности, что требовало нередко отказываться от дословного перевода древних рукописей в пользу их интерпретации.

Помимо самостоятельно опубликованных переводов мысли и поучения древних аскетов отразились во многих статьях святителя Феофана и особенно в его письмах как неотъемлемая часть его аскетических воззрений.

Кроме того, как уже упоминалось, святитель собирал опыт современных ему аскетов. Например, он писал о правиле тво-

рения молитвы Иисусовой в монастыре Саввы Освященного близ Иерусалима [6, с. 6]. Говоря о необходимости постоянного предстояния Богу, он приводил слова знакомого ему по Киеву подвижника, «который говорил: никаких приемов не употреблял я, и молитвы Иисусовой не знал, а все, что тут пишется [имеется в виду способность всегда «установиться в памяти Божией»], было и есть. А как, я и сам того не знаю. Бог дал!» [6, с. 18]. Вплетенные в контекст размышлений святителя Феофана, эти жизненные примеры выступают как знаковые явления, послужившие развитию его аскетической системы.

В аспекте рассматриваемой темы интерес представляют две концепции интертекстуальности: для художественно-эстетической и для научно-познавательной деятельности. Каждая из этих сфер имеет свою специфику и рамки. В художественном произведении может реализовываться весь спектр интертекстуальных смыслов — от преамбульности в цитациях до полного обесценивания в пародировании. В научных трудах последнее невозможно, но именно в науке интертекстуальность прослеживается одновременно в трех разных направлениях: в ретроспективе, в перспективе и в соотношении трудов автора между собой, а также, как уже отмечалось, композиционных частей одной публикации по отношению друг к другу. Вообще в научной литературе интертекстуальность выступает универсальным принципом построения текста по своему содержанию. Даже опровержение результатов предыдущих исследований проводится в рамках научной критики, с сохранением преамбульности научно-познавательной деятельности.

В связи с этим стоит вопрос о палитре интертекстуальных смыслов в наследии святителя Феофана. Очевидно, как богослов, переводчик и толкователь, он находится в рамках научной специфики интертекстуальности. Но как писатель публицист, проповедник и автор писем святитель мог и выходить за эти рамки, используя далекие от богословия представления, чтобы удобнее ниспровергнуть их в свете христианского миро-

воззрения, а в других случаях, наоборот, для пояснения с их помощью принципиальных отличий православного вероучения.

В полемических статьях, например, святитель активно использует слова, термины, мысли своих оппонентов для их опровержения, а также острые приемы противопоставления идей. Например, в книге «Письма о духовной жизни» читаем посвящение: «Письма писаны к красавице, потом кое-что прибавлено и все направлено к тому, чтоб удержать красавиц лезть во внучки к обезьянам» [7, с. 102]. О необходимости использования прямых слов своих оппонентов святитель упоминает в одном из своих писем: «Писать вообще о протестантских бреднях — нечего. ...Плода не будет. А писать, кладя в основу слова еретика, будет прямо в глаз» [9, с. 129].

Раннее детство святителя Феофана, проведенное на приходе отца протоиерея, среди простого народа, нашло свое отражение в выразительности и образности языка его писем. В них нередко встречаются народные поговорки: «взялся за гуж, не говори, что не дюж», «дума за горами, а смерть за плечами», — или аналогии из жизни простых людей: хранение Церковью Святого Предания «из жизни в жизнь» подобно тому, «как столько веков хранится одинаковый образ плетения лаптей, печения хлебов» [8, с. 97]. Такие вкрапления сообщают его переписке формат непосредственного живого диалога с адресатом.

Интертекстуальность проповедей, писем и сочинений святителя Феофана служит одной цели — облегчить понимание духовных законов всем ищущим спасения и идущим вслед Христа: от малограмотных простолюдинов до ученых богословов. И всем, читающим его слова в XXI веке, необходимо повышать свою интертекстуальную компетентность, чтобы лучше воспринимать их смысл.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемов С. В.* Слово Божие в творениях святителя Феофана Затворника // [Электронный ресурс]. URL: <https://svtheofan.ru/images/stories/docs/Artemov.pdf> (дата обращения 16.12.2021).
2. *Крутиков И. А.* Святитель Феофан затворник и подвижник Вышенской пустыни // Душеполезное чтение. 1897. Ч. 2. С. 262–270.
3. Слова к Владимирской пастве Преосвященного Феофана. Владимир: Типография губернского правления, 1869. 687 с.
4. *Феофан Затворник, свят.* Начертание христианского нравоучения. М.: Правило Веры, 2010. 686 с.
5. *Феофан Затворник, свт.* Путь ко спасению. М.: Правило Веры, 2000. 606 с.
6. *Феофан, епископ.* Собрание писем. Вып. 1. М.: Типо-Литогр. И. Ефимова, 1898. 260 с.
7. *Феофан, епископ.* Собрание писем. Вып. 2. М.: Типо-Литогр. И. Ефимова, 1898. 240, VIII с.
8. *Феофан, епископ.* Собрание писем. Вып. 6. М.: Типо-Литогр. И. Ефимова, 1899. 216, VI с.
9. *Феофан, епископ.* Собрание писем. Вып. 7. М.: Типо-Литогр. И. Ефимова, 1900. 256, X с.
10. *Феофан, епископ.* Собрание писем. Вып. 8. М.: Типо-Литогр. И. Ефимова, 1901. 228, XII с.
11. *Феофан, епископ.* Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения (Писано в 1847 г.). М., Изд. Афон. Рус. Пантелеимонова монастыря. 1882. 116 с.
12. *Чернявская В. Е.* Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 1999. 209 с.